

ТЕАТРАЛЬНЫЙ И МУЗЫКАЛЬНЫЙ ВЪСТНИКЪ.

ГОДЪ ЧЕТВЕРТЫЙ.

№ 32.

16 АВГУСТА 1859.

Выходятъ одинъ разъ въ недѣлю (по воскресеньямъ).

Цѣна 10 руб. въ годъ; съ доставкою на домъ 11 руб. сер.;
пногородные прилагаютъ за пересылку 1 руб. 50 коп.

Принимается подписка на получение Т. и М. Вѣстника въ настоящемъ 1859 г.

въ Конторѣ журнала, находящейся въ С. Петербургѣ, при музыкальномъ магазинѣ Ф. Стелловскаго, поставщика Двора ЕГО ИМПЕРАТОРСКАГО ВЕЛИЧЕСТВА, въ Большой Морской, д. Лауфerta; въ Газетныхъ Экспедиціяхъ; въ Москвѣ, въ магазинахъ: музыкальномъ Ленгольда, и книжныхъ: Базунова, Щепкина и Свѣшниковъ.

Желающіе подписаться могутъ получить Вѣстникъ съ 1 №-ра со всѣми приложеніями.

Редакція находится въ Офицерской, близъ Большаго Театра, въ домѣ Кутнера, кв. № 23.

**Къ № 32-му предлагается: Вальсъ
въ четыре руки, соч. Генделя.**

Содержаніе: Гендель. — Вѣсти отсюда. — Счастливая минута въ жизни Бетховена. — Воспоминанія музыканта Адольфа Адана (окончаніе). — Музыкальныя извѣстія.

ГЕНДЕЛЬ.

Георгъ-Фридрихъ Гендель родился въ Галле 24-го февраля 1684 г., умеръ 13-го апрѣля 1759 г. Во многихъ частяхъ Германіи недавно отпраздновали съ энтузіазмомъ столѣтній юбилей этого знаменитаго композитора. Въ Англіи, гдѣ онъ не менѣе популяренъ, въ сейденгамскомъ кристалльномъ дворцѣ, былъ устроенъ по этому случаю большой фестиваль.

Какъ почти у всѣхъ великихъ музыкантовъ, гениальныя способности Генделя обнаружилась очень рано. Въ семь лѣтъ призваніе его къ музыкѣ было такъ сильно, что отецъ Генделя, прочившій его въ адвокаты, долженъ былъ пзмѣнить свое намѣреніе и дать воспитаніе сыну, болѣе сходное съ его наклонностями. Первымъ учителемъ Генделя былъ органистъ Цашау. Успѣхи ученика оказались неимоვნно быстрыми. Десяти лѣтъ отъ-роду Гендель писалъ уже замѣчательныя сонаты и 19-ти лѣтъ отдалъ на сцену въ Гамбургѣ свою первую оперу: «Almeria». Потомъ онъ уѣхалъ въ Италію и издалъ тамъ нѣсколько партитуръ, между прочими оперу «Родриго» (представленную во Флоренціи) и «Агриппину» (данную въ Венеціи) и скоро сдѣлался извѣстенъ какъ драматическій композиторъ. По возвращеніи изъ Италіи, Гендель пробылъ нѣкоторое время въ Ганноверѣ и былъ назначенъ при-

№ 32.

дворнымъ капельмейстеромъ курфирста, а въ 1710 г. двадцатипяти лѣтъ отъ-роду пріѣхалъ въ Англію. Прибытіе Генделя въ Англію сдѣлалось петолько величайшимъ событіемъ въ его жизни, но и началомъ музыкальнаго періода Бритапцевъ. Прежде всего Гендель началъ писать оперы для италіянскаго театра. Первая его опера «Ринальдо», написанная въ двѣ недѣли, была представлена въ февралѣ 1711 г. и, хотя не одобренная литераторами и тогдашними *beaux-esprits*, принята очень благосклонно публикой. Съ этой эпохи до 1737 г. Гендель посвятилъ все свое время италіянскимъ операмъ, которыя, хотя и исчезли теперь со сцены, отличаются неувдаемыми красотоми; изъ нихъ назовемъ: «Муція Сцевола», «Александра и Сципіона», «Ричарда I-го», «Паресіона», «Аріодана», «Арминія», «Беренису» и др.

Въ этотъ періодъ своей жизни Гендель перенесъ страшныя несчастія и неудачи. Онъ вздумалъ основать два соперничающіе театра, по такъ неудачно повелъ свои дѣла, что лишился всего своего небольшого состоянія, скопленнаго въ нѣсколько лѣтъ. Умъ его и здоровье разстроились отъ столькихъ несчастій; онъ едва не сошелъ съ ума, съ нимъ сдѣлался параличъ. Однако путешествіе поправило его здоровье, а пенсія въ 400 фунтовъ стерлинговъ, пожалованная ему Георгомъ I-мъ, обезпечила его жизнь. Гендель возвратился въ Англію въ ноябрѣ 1737 г. съ твердымъ намѣреніемъ отказаться отъ оперы и избрать другую карьеру. Слѣдствіемъ этого рѣшенія было созданіе гигантскихъ произведеній, обезсмертившихъ его имя.

Гендель уже написалъ въ разное время три ораторіи: «Эсфиръ», «Аталію» и «Дебору». Онъ продолжалъ въ томъ же духѣ и написалъ «Саула» и «Израиля въ Египтѣ», исполненныхъ въ 1739 г. Слѣдующее произведеніе Генделя, прекраснѣйшее и важнѣйшее изъ всѣхъ, — это «Мессія». Въ то время ему приходилось не мало бороться съ ненавистью и завистью своихъ враговъ. Нѣкоторыя изъ его произведе-

ний были холодно приняты и Гендель рѣшился попробовать счастья въ Дублинѣ. Ораторія «Мессія», исполненная въ этомъ городѣ 27 марта 1742 г., въ пользу одного благотворительнаго заведенія, была принята Ирландцами съ неописаннымъ энтузіазмомъ.

Проведя нѣсколько мѣсяцевъ въ Дублинѣ, Гендель возвратился въ Лондонъ и въ слѣдующіе годы написалъ всѣ свои остальные ораторіи. Хотя «Мессія» производила всякій разъ необыкновенный эффектъ, но другія его ораторіи привлекали весьма мало слушателей; публика не умѣла оцѣнить знаменитаго композитора, такъ что значительныя суммы, истраченныя на исполненіе ихъ, не только уничтожили его доходы, но и раззорили его въ 1745 г. Однако Генделю скоро удалось поправить свои дѣла, и когда онъ умеръ четырнадцать лѣтъ спустя, то оставилъ своему семейству 20,000 фунтовъ стерлинговъ (500,000 фр.).

Потерявъ зрѣніе на 72 году, Гендель продолжалъ играть публично на органѣ. Когда исполняли его ораторіи, онъ всегда самъ игралъ на этомъ инструментѣ—и, надобно прибавить, съ рѣдкимъ совершенствомъ. Въ промежуткахъ между частями Гендель вставлялъ разные *concertos* и импровизаціи, которыя исполнялъ съ необыкновеннымъ искусствомъ и силою. 6-го апрѣля 1750 г. онъ явился послѣдній разъ передъ публикой, а черезъ недѣлю послѣ того его уже не стало.

Гендель — величайшій музыкантъ въ мірѣ; Гайднъ всегда высоко чтилъ его талантъ и говаривалъ: «еслибъ я не изучалъ музыки Генделя, то не могъ бы написать *Сотворенія міра*». Талантъ Генделя, подобно таланту почти всѣхъ композиторовъ, подчинился вліянію обстоятельствъ, въ которыхъ находился. Мы уже сказали, что онъ началъ заниматься церковной музыкой и тотчасъ обратилъ вниманіе увлекательной фугой и глубокой ученостью своей музыки.

Потомъ Гендель сталъ сочинять для театра. Тутъ ему пришлось думать о человѣческой натурѣ и создавать мелодіи, болѣе подходящія къ свѣтскому вкусу; поэтому онъ сталъ сочинять такую музыку, которую всѣ могли пѣть, играть, понимать и любить. Учениками его были монархи, высшіе аристократы, церковные сановники и знаменитѣйшіе музыканты того времени.

Гендель могъ господствовать при различныхъ европейскихъ дворахъ и съ большою легкостью умѣлъ давать своимъ мыслямъ самый поразительный оборотъ; вотъ отчего мысли его необыкновенно ясны и отличаются простотою формы.

Гендель никогда не извлекалъ изъ своей мысли всего, что она можетъ дать, и прямо переходилъ къ новой;—вотъ почему музыка его донынѣ весьма увлекательна; жаль, что ее чаще не исполняютъ.

Гендель во второй разъ предался церковной музыкѣ, но ее должно было пѣть не въ церкви, а въ театрѣ. Изъ числа подобныхъ произведеній, совершенно различныхъ отъ тѣхъ, о которыхъ мы говорили, можно назвать первоклассными: «Новую ораторію», «Священную ораторію», «Мессію» съ концертомъ для органа и «Самсона» съ двумя концертами.

Гендель былъ въ одно время исполнителемъ и дирижеромъ. Цѣлю всѣхъ его дѣйствій былъ болѣе или менѣе денежный вопросъ. Онъ сочинялъ музыку не для собственнаго удовольствія и не изъ любви къ искусству, какъ Мендельсонъ напиримѣръ, но чтобы возбудить благосклонность публики, жаждущей безпрестанно новаго, да еще новаго, доступнаго ея понятіямъ. Вотъ тайна разнообразія Генделя, его

плодовитости, неправильности, ясности, его заимствованій и его методы, разнообразной до безконечности. Онъ оставилъ послѣ себя сорокъ-пять партитуръ, двадцать-шесть ораторій, не считая огромнаго числа мотетовъ и другихъ отрывковъ.

Въ Англіи въ память Генделя устроены были большія торжества въ Вестминстерскомъ аббатствѣ, гдѣ онъ похороненъ. Первое изъ этихъ торжествъ было въ 1784 г.; триста музыкантовъ исполнили всю его музыку въ продолженіи трехъ дней.

Подобныя собранія возобновлялись почти ежегодно до 1791 г. включительно. Съ этого времени, съ уменьшеніемъ сбора, они прекратились. Въ 1834 г. снова составилось подобное торжество, а затѣмъ въ честь его устроены три большіе фестивали: первый въ 1836 г., второй въ 1857 г. и послѣдній въ іюнь 1859 г.

«Гендель, говоритъ одинъ изъ его биографовъ, былъ высокаго роста и крѣпкаго сложенія, осанка его была величественна, лицо благородно. Онъ любилъ хорошій столъ и больше всего сочинялъ, когда разгорячался отъ вина. Характеръ его, вообще ѣдкій, хитрый, дѣлался иногда вспыльчивымъ и грубымъ. Гендель требовалъ, чтобы слушали его музыку съ глубочайшимъ вниманіемъ; если же кто-нибудь прерывалъ тишину, Гендель самымъ грубымъ образомъ заставлялъ его молчать».

Недавно воздвигли Генделю памятникъ въ городѣ Галле; тамъ составилось также общество для изданія полнаго собранія его произведеній.

ВѢСТИ ОТВсюду.

Концертъ въ Дуббелнѣ. — Вѣсти изъ Позтавы. — Парижскіе театры. — Гальоны. — Неврологи. — Г-жа Шартоизъ-Демеръ и Лягрюа. — Исторія одного черепа. — Г-жа Лотти въ Миланѣ. — Вѣсти изъ Италіи и Германіи.

Въ Дуббелнѣ надѣлалъ много шума возвѣщенный концертъ пѣвицы с. петербургской Италіанской Оперы (?) и ученицы миланской консерваторіи, дѣвицы Жозефины Жанси. Пѣвица эта объявила концертъ при содѣйствіи піаниста Тидмана. Публики собралось много, но ни пѣвица, ни піанистъ не оправдали общаго ожиданія и еще разъ доказали, что шумные титулы иногда ничего не доказывающія—пустыя фразы.

Полтавская Ильинская ярмарка, пишутъ намъ корреспонденты, прекрасно очерчивается слѣдующими стихами:

«Жида, цыгане, ямщики,

Зѣятели, откушники,

И лошади и скотъ рогатый,

Все это въ группѣ очень сжатой,

Нестройной, пыльной, полосатой?» и проч.

Но для Т. и М. Вѣстника необходимо сказать нѣсколько словъ вообще объ артистической сторонѣ Ильинской ярмарки. Приѣзжіе артисты: піанистъ Тедеско изъ Одессы изъза границы, тоже піанистъ, Фельдау и скрипачъ Мульманъ дали четыре концерта, которые замѣчательны были крайнимъ неуспѣхомъ, несмотря на талантливость этихъ артистовъ; но это неудивительно, потому что о неуспѣхѣ приѣзжихъ артистовъ сильно хлопотали доморощенные полтавскіе шарманщики, извѣстные подъ именемъ музыкальных учителей на разныхъ инструментахъ. Бездарность всегда боится соревнованія, боится сравненія, отъ котораго можетъ поблѣкнуть

ея слабая репутация; поэтому всякій прїѣзжій артистъ не избѣгаетъ разныхъ мелкихъ интригъ домашнихъ полтавскихъ пигмеевъ, которые большею частію употребляютъ испытанное уже ими средство—не допустить, чтобы объявленія о концертахъ разосланы были вполнѣ и своевременно. Такъ случилось и теперь: большинство полтавской публики узнало о концертахъ тогда, когда артисты уѣхали уже изъ Полтавы.

Затѣмъ скажемъ о театрѣ. Втеченіе іюля спектакли были каждый день; репертуаръ піесъ, какъ и всегда и вездѣ, былъ рутинный. Удивляться тутъ нечему. Піесъ въ родѣ «Дикобраза» не ставятъ, «чтобы гусей не раздражить». Мы не привыкли еще смотрѣть безъ досады на свои очень схожіе портреты, да и вообще не любимъ, чтобы объ насъ говорили. Напримѣръ, что можетъ быть обиднаго въ томъ, что я сообщаю вамъ вѣсти о театрѣ? Да, какъ бы не такъ!... Какъ смѣть выносить соръ изъ избы! Есть у меня такіе прїатели, которые съ истиннымъ наслажденіемъ приговорили бы меня на аутодафе. Замѣчательнѣйшею піесою, изъ исполненныхъ на нашей сценѣ, была: «Свадьба Кречинскаго», гдѣ роль Кречинскаго исполнялъ г. Никитинъ, Расплюева г. Васильевъ, Нелькина г. Некрасовъ; г-жа Васильева исполняла роль Лидочки. Въ бенефисъ Никитина давали «Чиновникъ», «Женихъ изъ Ножевой линіи», «Судъ людской — не Божій» и «Станціонный смотритель». Давались представленія въ циркахъ; въ одномъ труппа акробатовъ, волтижеровъ и гимнастиковъ подъ управленіемъ Селезака; въ другомъ г. Гроностаіскій, водоискусникъ и полетехникъ, бросался въ воду съ 40 аршинной высоты (а въ скобкахъ — гораздо менѣе) и потѣшалъ тѣмъ почтеннѣйшую публику.

Остается еще два предмета, которыхъ нельзя пройти молчаніемъ. Это — Юлія Пастрана и альбиноска Эмилія Дорпдорфъ. Пастрана показывается ежедневно въ 8 и 10 часовъ вечера, танцуетъ и поетъ не только свою любимую англійскую пѣсенку, — но и малороссійскія, коверкая страшно въ нихъ слова.

Альбиноска удивила насъ болѣе чѣмъ Пастрана, но не танцами и не пѣніемъ, а вотъ чѣмъ: мы знаемъ, и афиша это подтвердила, что альбиносы имѣютъ волосы—бѣлые, какъ снѣгъ, а глаза красные; мы же встрѣтили волосы желтые, а глаза почти сѣрые, которые чрезъ нѣсколько дней разболѣлись и не глядѣли на публику. Г. Гебгартъ, привезшій альбиноску, увѣряетъ, что у нее волосы пожелтели отъ германскаго климата, подъ которымъ она прожила нѣсколько времени.

Переходя къ Парижу, мы также должны начать съ празднествъ въ день именинъ императора Французовъ. 15-го августа отпраздновалось и нынче, какъ прежде, съ тѣмъ же великолѣпіемъ и торжествомъ. Днемъ была большой парадъ; затѣмъ на эспланадѣ Инвалидовъ были устроены два большіе театра военной пантомимы и два театра акробатовъ для народа и солдатъ. Въ часъ пополудни открылись даровые спектакли во вѣсѣхъ театрахъ и пущено нѣсколько воздушныхъ шаровъ. Вечеромъ горѣлъ былъ великолѣпно иллюминированъ, а Марсово поле освѣщено электрическимъ свѣтомъ; подъ конецъ вечера зажжены два фейерверка въ разныхъ частяхъ города.

Упомянувъ имя Наполеона III, нельзя не привести кстати одной его странности. Повелитель Французовъ, подобно многимъ гениальнымъ людямъ, не лишень предразсудковъ; онъ особенно любитъ все, что начинается съ буквы М, приписывая этой буквѣ какое-то фаталистическое значеніе. Этому

легко повѣрить, когда вспомнишь, что первая побѣда его была при *Монтебелло*; въ битвѣ при *Маджентѣ* особенно помогъ императору генералъ *Макъ-Маонъ*, подучившій тотчасъ же названіе герцога *Маджентскаго*, также какъ Пелисье — герцога *Малахова*; въ самомъ походѣ Наполеона въ Италію безпрестанно встрѣчается буква М:—*Миланъ*, *Мариньяно*, *Минчио* и проч. Прибавимъ къ этому, что императрица происходить изъ фамиліи *Монтихо*, любимый сановникъ Наполеона—*графъ Морни*, любимый журналъ *Мониторъ* и т. д.

Парижскіе театры, въ настоящее время, не представляютъ много новостей.—Французскій Театръ возобновилъ старинную комедію Пикара: «*Le Collatéral, ou la Diligence de Joigny*». Піеса эта, представленная въ первый разъ на театрѣ Фейдо въ 1799 г., потеряла много своихъ достоинствъ по своему устарѣлому сюжету, но нельзя отказать ей въ веселости и остроуміи, хотя подобныя возобновленія Французы всегда называютъ «*reprises d'élé*». Много потеряла также эта комедія отъ игры второстепенныхъ актеровъ (дублеровъ), такъ какъ первые сюжеты труппы почти все въ отпуску. Между прочими Брессанъ и г-жа Плесси отправились въ Эмсъ—дать нѣсколько представлений на водахъ.

Театръ Гимназій представилъ водевилъ Эдмонда Абу: «*Risette*». Какимъ образомъ серьезный писатель, прославившійся недавно своими романами, перешелъ изъ области литературы въ веселую сферу водевиля?—вотъ что занимало многихъ и казалось непонятнымъ. Но какъ бы то ни было, г. Абу написалъ водевилъ игривый и остроумный, въ три лица, въ которомъ дѣйствуютъ двѣ гризетки и одинъ молодой человѣкъ. Піеса эта вѣроятно появится на Михайловской сценѣ.

Не станемъ распространяться о драмѣ гг. А. Буржуа и Ф. Дюге: «*Les Pirates de le Gavane*». Всѣ бульварныя драмы похожи одна на другую, какъ листья одного дерева. Въ первой драмѣ, кромѣ морскаго сраженія, разныхъ ужасовъ и эффектовъ, являются тигръ и огромная змѣя (боа), несказанно забавляющіе блузинокъ и дѣтей.

Говоря въ прошедшемъ номерѣ о Тальони, мы забыли прибавить, что знаменитая Терпсихора пазначена государственнымъ министромъ инспектрисой танцовальныхъ классовъ въ Большой Оперѣ, съ обязанностию усовершенствовать ученицъ, обѣщающихъ сдѣлаться первоклассными танцовщицами.

Оканчиваемъ вѣсти изъ Парижа некрологами. Въ короткое время Парижъ лишился многихъ драматическихъ авторовъ и композиторовъ. Мари-Экаръ, Робильяръ д'Авранны, Брунsvикъ, Пансеронъ, Губо (Goubaux) и Шокаръ умерли въ самое короткое время одинъ за другимъ. О первыхъ двухъ было уже говорено въ свое время. Брунsvикъ былъ авторъ многихъ водевилей и комическихъ оперъ и вмѣстѣ съ г. Левеномъ имѣлъ большой успѣхъ на многихъ сценахъ. Брунsvикъ отличался живымъ, веселымъ, сатирическимъ умомъ и считался первымъ каламбуристомъ своего времени.

Пансеронъ, профессоръ пѣнія въ консерваторіи, умеръ на 64 году своей жизни отъ опухоли въ горлѣ. Пансеронъ въ первой молодости вступилъ въ парижскую консерваторію; онъ усовершенствовался въ Италіи вмѣстѣ съ Гарсіей и Сиборни и затѣмъ два года путешествовалъ по Германіи и Россіи. Онъ написалъ нѣсколько комическихъ оперъ и множество романсовъ, пользовавшихся большою извѣстностью; но преимущественно онъ прославился своими дидактическими сочиненіями и вокализами, переведенными на все языки и принятыми во вѣсѣхъ консерваторіяхъ. Пансеронъ писалъ также

и церковную музыку; особенно замѣчательны его «Requiem» и «De profundis». Въ числѣ многочисленныхъ друзей, проводившихъ тѣло покойнаго на кладбище Отца Лашеза, находились Оберъ, Галеви, Амбруазъ-Томъ, Эдуардъ Мошнэ, баронъ Тейлоръ и др.

Г. Губо, извѣстный въ драматической литературѣ подъ псевдонимомъ Дино (Dinaux), былъ замѣчательный драматическій писатель и сотрудникъ А. Дюма-отца, Евгенія Сю, Виктора Дюканжа и др. Губо написалъ съ послѣднимъ извѣстную драму, даваемую и донынѣ: «Тридцать лѣтъ, или жизнь игрока»; съ сотрудничествѣмъ съ Дюма онъ написалъ драму: «Ричардъ д'Арлингтонъ» и т. д. Г. Губо былъ нѣсколько разъ избираемъ членомъ комиссіи драматическихъ авторовъ и наконецъ назначенъ первымъ вице-президентомъ этой комиссіи.

Шокаръ былъ также талантливый писатель и когда-то служилъ предметомъ многихъ приключеній и анекдотовъ, рассказанныхъ нѣкоторыми журналами.

Къ этому списку умершихъ прибавимъ еще имя г. Фирмена, одного изъ старѣйшихъ общниковъ Французской Комедіи. Фирменъ дебютировалъ въ первый разъ въ 1811 г. въ трагедіи «Магометъ» и комедіи «Les Fausses Infidélités», и скоро занялъ видное мѣсто «jeune premier» на парижской сценѣ; онъ игралъ въ трагедіи съ Тальма, въ высокой комедіи съ m-ле Марсъ и былъ долгое время любимцемъ публики. Фирменъ умеръ 76 лѣтъ, оставивъ сцену 14 лѣтъ тому назадъ.

Г-жи Шартонъ-Демеръ и Лагрюа отправятся изъ Парижа въ концѣ августа въ Петербургъ—и какъ слышно—будутъ пѣть при Дворѣ во время празднества 8-го сентября.

Опера Мейербергера: «Le Pardon de Ploërmel», продолжаетъ привлекать въ Лондонѣ многочисленныхъ посѣтителей. Г-жа Міолянъ-Карвалло попрежнему восхищаетъ всѣхъ въ роли Диноры.

Лондонская газета «Star» разсказываетъ слѣдующій замѣчательный случай:

«Одна актриса, недавно вышедшая во второй разъ замужъ, занимала роль Каллисты въ пьесѣ: «Прекрасная грѣшница», на театрѣ «North wallham». Въ ту минуту, когда актриса положила руку на черепъ, какъ слѣдовало по ея роли, съ ней сдѣлалась внезапная дрожь и она упала безъ чувствъ на сцену.

«На другой день, немного оправившись отъ испуга, актриса призвала режиссера и спросила его, откуда онъ досталъ этотъ черепъ.

«Мнѣ принесли его могильщикъ, отвѣчалъ режиссеръ; онъ говоритъ, что это черепъ актера Порриса, умершаго 12 лѣтъ тому назадъ и похороненнаго на церковномъ кладбищѣ.

«Поррисъ былъ первый мужъ актрисы; это открытіе сдѣлало такое глубокое и ужасное впечатлѣніе на несчастную женщину, что она снова лишилась чувствъ.

«Несмотря на всѣ старанія вывести ее изъ летаргіи, бѣдная артистка скоро умерла».

Наша знакомка г-жа Лотти-делла-Санта отправилась изъ Лондона въ Миланъ. На зиму, какъ мы уже писали, она ангажирована въ Лиссабонъ.

По случаю восшествія на неаполитанскій престолъ короля Франца II, Меркаданте написалъ кантату подъ названіемъ: «La Danza augurale». Хвалить одно мѣсто въ кантатѣ, гдѣ гимнъ Бурбоновъ соединяется съ національнымъ гимномъ Баваріи (молодая королева—принцесса Баварская), и танецъ,

вставленный въ кантату, гдѣ очень удачно сливается мотивъ тарантеллы съ баварскимъ танцемъ.

На театрѣ «Apollo» въ Римѣ готовится дать на слѣдующій сезонъ: «Симона Бокканегра» и «un Ballo in Maschere», Верди. Последняя опера—главная приманка всѣхъ импрессарио.

Въ Миланѣ представлена на театрѣ «Carcano» опера Верди: «la Battaglia di Legnano». Публика съ шумомъ принялась рукоплескать, когда на сценѣ показались трехцвѣтные знамена; но восторгу не было границъ послѣ знаменитой клятвы рыцарей смерти, дающихъ обѣтъ побѣдить, или умереть за независимость Италіи. Исполненіе оперы было довольно плохо.

Извѣстный шведскій писатель и вмѣстѣ композиторъ Розенъ пріѣхалъ въ Берлинъ и привезъ съ собою нѣкоторыя свои новыя сочиненія, между прочими: сонату въ С Вебера, оркестрованную для оркестра, большую симфонію: «Послѣдній день Помпеи», и военную фантазію «Kriegsbilder».

Александръ Дрейшюкъ пишетъ лирико-романтическую оперу: «Флоретта, или первая любовь Генриха IV». Либретто взято изъ повѣсти Цюкке.

Альбертъ Червинскій, написавшій: *Происхожденіе и развитіе танцевъ*, издалъ въ Лейпцигѣ книгу подъ названіемъ: *Исторія танцевальнаго искусства*. Авторъ очень заимчиво проводитъ начало этого искусства съ самыхъ отдаленныхъ вѣковъ до нашихъ временъ.

Лейпцигскій скульпторъ Кнауеръ готовитъ для бібліотеки эрцгерцога Фердинанда Макса бюсты Гомера, Данта, Шекспира и Гёте изъ каррарскаго мрамора.

Сестры Ферри живутъ съ своими родителями въ Кёнигсбергѣ и думаютъ въ сентябрѣ вмѣстѣ съ скрипачемъ Рауе отправиться въ Россію.

Въ Мюнхенѣ разучиваютъ на нѣмецкомъ языкѣ оперу Мейербергера: «Le Pardon de Ploërmel», которая появится скоро на всѣхъ театрахъ Германіи.

Счастливая минута въ жизни Бетховена.

У Бетховена была только одна счастливая минута въ жизни—и это счастье его убило. Отъ природы застѣчивый характеръ, еще болѣе раздраженный несправедливостью и злобой людей, заставлялъ великаго композитора во всю свою жизнь искать уединенія; тамъ, вдали отъ свѣта, онъ сочинялъ ту дивную музыку, которую когда-либо писалъ человѣкъ. Онъ говорилъ съ людьми тѣмъ чуднымъ языкомъ природы, когда она съ помощью небесной гармоніи вѣтра, воды и пѣнія птицъ обращается къ людямъ. Бетховенъ одинъ только могъ говорить языкомъ небесъ!

И между тѣмъ талантъ его былъ до такой степени не признавъ, что самъ онъ не разъ долженъ былъ сомнѣваться въ своемъ геніи,—а это величайшее горе для артиста.

Гайднъ не нашелъ другой похвалы Бетховену, какъ слѣдующую фразу: онъ хорошій фортепианистъ! Это то же самое, еслибъ сказали о знаменитомъ живописцѣ Жерико: онъ хорошо натираетъ краски, или объ Гёте: онъ не дѣлаетъ орфографическихъ ошибокъ!—У Бетховена былъ только одинъ другъ—Гуммель; но бѣдность и несправедливость свѣта раздражали Бетховена и сдѣлали его самого несправедливымъ;

онъ сталъ недовѣрять Гуммелю и они долгое время не видѣлись. Къ довершенію несчастія Бетховенъ оглохъ. Подъ конецъ жизни онъ переѣхалъ въ Баденъ и жилъ тамъ въ грустномъ одиночествѣ, получая маленькую пенсію, едва удовлетворявшую его потребностямъ. Единственнымъ его удовольствіемъ было ходить по прекраснымъ лѣсамъ въ окрестностяхъ города, и тамъ, наединѣ съ природой, давалъ онъ волю своему генію, тамъ писалъ онъ свои великія фантазіи; душа его въ гармоническихъ звукахъ стремилась къ небу, онъ забывалъ людей, не понимавшихъ его, онъ бесѣдовалъ съ ангелами.

Но скоро, когда онъ этого менѣе всего ожидалъ, полученное письмо заставило его возвратиться на землю, гдѣ ожидала его новая непріятность.

Племянникъ, на котораго Бетховенъ обратилъ все свое попеченіе, которому не разъ оказывалъ благодѣянія и къ которому чувствовалъ особенную привязанность, писалъ изъ Вѣны, что съ нимъ случилось непріятное происшествіе и только одинъ дядя могъ ему помочь. Бетховенъ тотчасъ же пустился въ путь—только, изъ экономіи, пѣшкомъ.

Вечеромъ, прошедши еще самую малую часть дороги, остановился онъ, измученный и усталый, передъ какимъ-то невзрачнымъ старымъ домомъ и попросилъ гостепріимства. Его приняли радушно, угостили чѣмъ Богъ послалъ и потомъ усадили въ большое дѣдовское кресло погрѣться у топившейся печи. По окончаніи ужина, когда убрали со стола, хозяинъ дома открылъ старое фортепіано, а три его сына сняли каждый со стѣны свои инструменты; мать и дочь занялись между тѣмъ работой. Отецъ подалъ знакъ и всѣ четверо принялись играть. Казалось, то, что они играли, ихъ сильно занимало; они играли съ чувствомъ и одушевленіемъ; обѣ женщины положили свои работы и внимательно слушали; ихъ наивныя лица выражали сладкое удовольствіе и сердечное умиленіе.

Вотъ все, что Бетховенъ могъ замѣтить изъ происходившаго вокругъ его; но глухотѣ своей онъ не могъ слышать ни одной ноты; только правильныя движенія играющихъ, ихъ оживленные фізіономіи, доказывавшія, что они глубоко прочувствовали то, что исполняли, дали ему замѣтить превосходство этихъ людей надъ италіянскими музыкантами, этими хорошо организованными музыкальными машинами.

Окончивъ піесу, играющіе съ чувствомъ пожали другъ другу руки, какъ бы передавая взаимно испытанное счастье, а дочь со слезами бросилась на шею къ матери. Отецъ и сыновья посоветовались о чемъ-то, потомъ взя и свои инструменты и снова заиграли; на этотъ разъ восторгъ ихъ дошелъ до высшей степени, глаза заблестали и сдѣлались влажны.

Позвольте мнѣ узнать названіе піесы, приводящей васъ въ такой восторгъ, сказалъ Бетховенъ. Онъ взглянулъ на ноты и уронилъ ихъ; слезы градомъ покатились изъ глазъ.

Сельскіе жители играли съ такимъ наслажденіемъ *Alegretto* изъ симфоніи Бетховена.

Все семейство окружило великаго маэстро, выражая ему знаками свое удивленіе и любопытство. Нѣсколько минутъ судорожное рыданіе мѣшало старику выговорить слово, наконецъ онъ произнесъ: «я Бетховенъ!» Тогда они обнажили свои головы и молча преклонились предъ нимъ. Но Бетховенъ протянулъ имъ руки и они почувствовали, что стоящій передъ ними человѣкъ выше короля. Они разгадали въ его чертахъ печать генія и славы.

Бетховенъ раскрылъ имъ свои объятія и все семейство по-очереди обняло его.

Вдругъ онъ быстро поднялся, сѣлъ за фортепіано, подалъ знакъ молодымъ людямъ взять свои инструменты, а самъ заигралъ на фортепіано. Они играли превосходно; никогда быть можетъ не было лучшей музыки и лучшаго исполненія. Когда они кончили, Бетховенъ остался за фортепіано и импровизировалъ пѣсни, полныя блаженства и благодарности небесамъ, какихъ онъ еще ни разу не сочинялъ въ свою жизнь.

Часть ночи прошла въ слушаніи фантазій геніяльнаго композитора. Это были его послѣдніе звуки.

Глава семейства просилъ Бетховена отдохнуть и лечь въ постель. Бетховенъ послушался, но вдругъ съ нимъ сдѣлалась лихорадка; онъ почувствовалъ необходимость подышать воздухомъ и отправился въ поле съ босыми ногами. Природа также наслаждалась величественной гармоніей; вѣтеръ колыхалъ вершины деревьевъ, страшно завывая. Бетховенъ долго гулялъ по полямъ и возвратился домой оочень холодный. Послали въ Вѣну за врачомъ; у Бетховена открылась водяная въ груди. Несмотря на всевозможныя старанія и попеченія, врачъ объявилъ черезъ два дня, что Бетховену осталось жить не долго.

И въ самомъ дѣлѣ, съ каждою минутой жизнь его быстро угасала. Когда онъ лежалъ уже въ предсмертномъ хрипѣнн, въ комнату его вошелъ Гуммель, его старый, единственный, вѣрный другъ. Онъ услышалъ о болѣзни Бетховена и поспѣшилъ къ нему,—но было поздно, Бетховенъ не могъ уже говорить и только взоромъ поблагодарилъ Гуммеля.

Гуммель наклонился къ нему и, приставивъ къ уху умирающаго слуховую трубу, при помощи которой Бетховенъ могъ еще слышать нѣкоторыя слова, передалъ ему свое сожалѣніе.

Бетховенъ какъ-будто ожилъ, глаза его заблестали, онъ произнесъ: «Не правда ли, Гуммель, у меня таки былъ талантъ?»...

Это были его послѣднія слова; глаза его остановились неподвижно, ротъ закрылся и Бетховена не стало! (26 марта 1827 г.).

Воспоминанія музыканта Адольфа Адана

(Окончаніе.)

Съ этого дня, т. е. съ началомъ революціи, наши сборы такъ уменьшились, что мы теряли отъ 1200 до 1400 фр. въ день. Издержки были значительныя, а касса пустѣла съ каждымъ днемъ. Я собралъ всю труппу и объяснилъ наше положеніе; общимъ голосомъ было рѣшено не закрывать театра, не уступать республиканцамъ и раздѣлять сборъ въ слѣдующей пропорціи: 100 фр. на освѣщеніе, стражѣ и проч., жалованіе машинистамъ, работникамъ, а остальное дѣлить поровну между хористами, музыкантами и пѣвицами.

Раздѣлять приходилось 300 фр. въ день, а ихъ никакъ не могли собрать; однако мы надѣялись, что наше безденежье скоро минуетъ. Такъ прошло двѣ недѣли и наконецъ музыканты оркестра объявили, что не намѣрены болѣе играть, если имъ не будутъ платить жалованіе въ срокъ. Такъ какъ

мы не могли исполнить их требованія, они перестали ходить, и театр закрылся.

Я совершенно раззорился и въ одинъ день лишился всѣхъ своихъ выгодъ. Домашнихъ расходовъ была у меня бездна; я нанималъ квартиру въ 3,000 фр., платилъ не мало прислугѣ, долженъ былъ давать въ годъ моей женѣ, съ которой развелся, 2,400 фр., платилъ въ коллегію за сына 500 фр., а получалъ всего изъ института 100 фр. въ мѣсяцъ.

Я отпустилъ всю свою прислугу; одинъ изъ моихъ лакеевъ пришелъ благодарить меня черезъ нѣсколько дней; онъ поступилъ въ національныя мастерскія и получалъ 40 су въ день, ничего не дѣлая. Негритинка, служившая уже съ годъ у меня, хотѣла непременно остаться, даже безъ жалованья, увѣряя, что любить насъ отъ всей души и не въ силахъ разстаться съ моею маленькой 18-тимѣсячной дочерью, которую она кормила.

Я согласился ее оставить, но черезъ три года, когда, послѣ многихъ лишеній, я собралъ 1,000 франковъ, Негритинка ихъ украла и ушла отъ насъ, заставивъ меня сверхъ того заплатить 500 фр. долгу, сдѣланнаго ею у разныхъ продавцовъ. Тутъ я на опытъ узналъ безкорыстную преданность Негровъ.

Республиканская полиція никакъ не могла ее поймать, а чрезъ нѣсколько времени я встрѣтилъ мою *вѣрную* Негритинку, спокойно гуляющую съ ребенкомъ, и не сомнѣваюсь, что она сыграла съ новыми своими господами такую же штуку, какъ и со мной.

Мнѣ удалось уговорить моего домохозяина уничтожить нашъ контрактъ, но я былъ долженъ ему 1,500 фр. и предложилъ ему въ уплату рояль Эрара, стоившій 3,000 фр.; онъ отказался. Я представилъ ему документъ застрахованія жизни моего сына, который имѣлъ силу еще на два года.

Мой сынъ прожилъ столько времени, что я успѣлъ получить эту сумму и могъ расплатиться. Затѣмъ я продалъ все свое серебро, драгоценныя вещи, мебель; заложилъ въ Mont de Piété многія вещи, дорогія мнѣ по воспоминанію, съ которыми мнѣ жаль было разстаться,—между прочимъ табакерку, украшенную брилліантами, послѣдній подарокъ прусскаго короля Фридриха III—въ бытность мою въ Берлинѣ. Мнѣ дали за нее 800 фр. и только чрезъ три года удалось мнѣ ее выкупить; прочія вещи были проданы, такъ какъ я не могъ аккуратно выплачивать за нихъ проценты.

Я былъ долженъ 70,000 фр. На мои 1,200 фр., которые я получалъ изъ института, было наложено запрещеніе; но я, собравъ кредиторовъ, предоставилъ имъ мои авторскія права получать вознагражденіе за мои сочиненія; они согласились и оставили мнѣ мое институтское жалованье.

Мой бѣдный отецъ, которому было уже 90 лѣтъ, былъ жестоко пораженъ установленіемъ республики; онъ видѣлъ первую республику и полагалъ, что вторая ей не уступитъ; старикъ впалъ въ мрачное уныніе и тихо угасть безъ страданій 8-го апрѣля. Мнѣ нечѣмъ было его похоронить. Одинъ мой другъ, Циммерманнъ, самъ предложилъ мнѣ 200 фр., которые я могъ отдать ему не ранѣе двухъ лѣтъ. Многіе профессора и ученики консерваторіи составили подписку и на эти деньги соорудили памятникъ моему отцу.

Между тѣмъ мои дѣла шли очень плохо; нечего было и думать зарабатывать деньги музыкой; будущность моя была ужасна. Я почти каждый день ходилъ къ доктору Верону, у котораго можно узнать всѣ новости. Въ это время умеръ Донидетти. Веронъ мнѣ предложилъ написать біографію мо-

его знаменитаго собрата, которую намѣревались помѣстить въ *Constitutionnel*; за біографію мнѣ обѣщали 50 франковъ: для меня это было богатство!

Я иногда писалъ въ музыкальныхъ журналахъ, но никогда не думалъ, что перо мое годилось не только для черченія нотныхъ линейекъ. Веронъ снабдилъ нѣкоторыми полезными совѣтами, въ которыхъ я весьма нуждался, и поручилъ мнѣ на-время музыкальный фельетонъ въ *Constitutionnel*. За каждый фельетонъ я получалъ 50 фр., писалъ по три и по четыре фельетона въ мѣсяцъ, и этимъ доходомъ могъ прожить первую половину злополучнаго года.

Скрибъ, которому я рассказалъ о своей бѣдности, далъ мнѣ либретто «Жирафды»; я скоро написалъ къ нему музыку, но въ это время директоромъ Комической Оперы назначенъ былъ г. Перренъ. Въ восторгѣ отъ громаднаго успѣха «Андорской Долины» (*le Val d'Andore*), о которой я первый возвѣстилъ въ моемъ фельетонѣ, Перренъ воображилъ, что въ Комической Оперѣ могутъ имѣть успѣхъ только печальныя или драматическія піесы. «Жирафда» не понравилась ему и два года сряду онъ не соглашался поставить ее на сцену. Только лѣтомъ, во время совершеннаго зстоя театральныхъ новостей, Перренъ согласился представить «Жирафду», но давалъ эту оперу очень рѣдко, упорно отстаивая свое мнѣніе о недостаткахъ моей піесы даже послѣ ея успѣха.

Я былъ представленъ генералу Кавеньяку, президенту республики въ іюнѣ. По смерти Габенека осталось въ консерваторіи свободное мѣсто инспектора классовъ съ жалованіемъ 3,000 фр.

Я сталъ просить генерала объ учрежденіи четвертаго класса музыкальной композиціи. Кавеньякъ, знавшій мое положеніе, согласился на мою просьбу, несмотря на то, что многіе старались его отклонить отъ этого рѣшенія.

Я получилъ мѣсто инспектора съ 2,400 фр. жалованья. Съ этой суммой, моимъ журналомъ и жалованіемъ изъ института я получалъ 400 фр. въ мѣсяцъ; [я разбогатѣлъ и издерживалъ только эту сумму до совершенной уплаты моихъ долговъ, послѣдовавшей не ранѣе 1853 года.

Пѣвецъ Мокеръ просилъ меня написать интермедію для его бенефиса, которую должны были дать только одинъ разъ; я не могъ ничего получить за свою музыку, но съ наслажденіемъ принялся за работу, потому что всегда находилъ большое удовольствіе въ занятіи.

Я написалъ «Торреадора» въ шесть дней. На репетиціяхъ интермедія приняла такіе размѣры, что бенефисъ Мокера принужденъ былъ отложить на мѣсяцъ.

Первое представленіе устроилось въ тотъ самый день, когда въ Парижѣ происходили выборы, по которымъ Евгеній Сю и три другихъ депутата были избраны въ національную палату. Въ это смутное время, несмотря на явный успѣхъ моей оперы, ни одинъ издатель не хотѣлъ ее купить.

Не издавая моей оперы, я терялъ выгоды, которыя могъ бы получить изъ провинцій. Одинъ другъ помогъ мнѣ, давъ взаймы 1000 фр. Баронъ Тейлоръ устроилъ лотерею въ миліонъ въ пользу артистовъ и подписался на 10 экземпляровъ моей оперы, по 100 фр. каждый, что составило еще 1,000 фр. Генералъ Кавеньякъ доставилъ мнѣ такую же сумму изъ министерства внутреннихъ дѣлъ и съ помощью этихъ 3,000 фр. я могъ самъ издать свою оперу: изданіе не доставило мнѣ большихъ выгодъ, но зато я упрочилъ свои авторскія права въ провинціи, что значительно облегчило мои долги.

Несмотря на успѣхъ «Торреадора», я долженъ былъ ждать болѣе года, прежде чѣмъ согласились сыграть мою «Жиральду». Отъ нечего-дѣлать я написалъ большую мессу въ честь св. Цециліи. Одобреніе артистовъ утѣшило меня немного въ пренебреженіи директоровъ; но даже послѣ успѣха «Жиральды» я находился въ такомъ отчаянномъ положеніи, безъ всякой надежды уплатить мои долги, что рѣшился отправиться къ Перрену и предложилъ ему за 6,000 фр. въ годъ работать исключительно для него въ продолженіи 10 или 15 лѣтъ, обѣщая ему сочинять столько оперъ, сколько онъ потребуетъ; къ счастью Перренъ отказался отъ моего предложенія и далъ мнѣ тѣмъ возможность вознаграждать всѣ понесенные мною убытки.

Въ 1850 г. я потерялъ мою первую жену, съ которой былъ въ разводѣ въ продолженіи 16 лѣтъ, и вначалѣ 1851 г. женился на женщицѣ, которая раздѣляла мое горе и радость, которая, во время моего неудачнаго управленія Национальной Оперой, отдала мнѣ все, что имѣла, и слѣдовательно лишилась своего состоянія.

Мой сынъ умеръ 20 лѣтъ; я былъ страшно огорченъ этой потерей; моимъ утѣшеніемъ осталась маленькая дочь, прелестная Анжелла, которую крестилъ мой уважаемый собратъ по искусству, Оберъ. У меня было еще дитя, моя бѣдная Жанна, которую Богъ взялъ къ себѣ еще въ колыбели. Крестнымъ отцомъ Жанны былъ мой другъ дѣтства, почти братъ, Пьеръ Эраръ; крестною матерью, его сестра, г-жа Спонтини.

Въ ноябрѣ 1851 г. я опасно захворалъ тою же болѣзнію, отъ которой едва не умеръ въ Россіи, но и на этотъ разъ меня окружали тѣ же заботливые друзья: жена моя, спасающая мнѣ жизнь въ С. Петербургѣ, и докторъ маршалъ де Кальви, заступившій мѣсто моего двоюроднаго брата, доктора Адана. Благодаря ихъ попеченіямъ, я выздоровѣлъ.

Въ это время Эдмонъ Севестъ былъ директоромъ Национальной Оперы (нынче Липрическаго Театра), которою я управлялъ. Я всегда любилъ этотъ театръ, который вѣроятно составилъ состояніе какого-нибудь спекулятора счастливѣе меня. Севестъ предложилъ мнѣ написать маленькую оперу въ одномъ дѣйствіи, но, увидя меня въ постели, хотѣлъ отпестить либретто къ другому композитору; я удержалъ его.

— Неужели вы думаете, сказалъ я Севесту, что если я боленъ, то не могу также скоро работать, какъ другой, здоровый композиторъ? Оставьте мнѣ либретто и заходите за нимъ черезъ двѣ недѣли.

Черезъ недѣлю, не оставивъ постели, я написалъ музыку къ этому одноактному либретто; опера называлась «Нюрнбергская кукла». На восьмой день я всталъ съ постели, чтобы попробовать музыку на фортепіано, и совсѣмъ выздоровѣлъ; работа уничтожила болѣзнь.

Эдмонъ Севестъ умеръ чрезъ нѣсколько дней послѣ визита ко мнѣ и не видалъ заказанной имъ оперы, которая была сыграна не ранѣе 21 февраля 1852 г.

Роме предложилъ мнѣ мѣсто директора театра; я отказался; не мнѣ заставлять другихъ работать, я только умѣю самъ трудиться. Къ моему удовольствію я успѣлъ доставить это мѣсто Жюлю Севесту и тѣмъ способствовать настоящему и будущему процвѣтанію театра.

Для открытія театра въ 1852 г. д'Епперн и Брезиль предложили поставить новую оперу: *Si j'étais roi*, въ трехъ актахъ, съ тѣмъ чтобы я написалъ для нее музыку. Я отказался и просилъ Севеста предложить эту работу Клаппе-

сону; я любилъ его музыку, а въ послѣднее время давали мало его оперъ. Клаппессонъ въ то время писалъ для Комической Оперы трехъактную оперу «*les Mystères d'Udolphe*»; онъ разсчитывалъ особенно на эту работу, а оперу *Si j'étais roi* надо было сочинить скоро: было уже 20 мая, а театръ долженъ открыться 1-го сентября; поэтому Клаппессонъ также отказался.

Черезъ нѣсколько дней Севестъ опять пришелъ ко мнѣ, весьма озабоченный.

— Я побывалъ у всѣхъ молодыхъ композиторовъ, которые кричатъ, что вы имъ заслоняете дорогу къ успѣхамъ, сказалъ онъ, ни одинъ не имѣетъ чего-нибудь оконченнаго и никто не беретъ написать оперы къ открытію театра, а мнѣ непременно нужна новая піеса; сдѣлайте одолженіе, выручите меня; я рѣшительно въ отчаяніи и не знаю, что дѣлать, если вы не напишете музыки для либретто: *Si j'étais roi*.

Оставалось, или ввести въ раззореніе директора, или вызвать новыя претензіи со стороны моихъ молодыхъ собратьевъ, что было неизбежно, несмотря на ихъ разсказы. Колѣбаться было нечего—и я обѣщалъ Севесту исполнить его желаніе.

— Но 15 іюня нужно уже начинать репетиціи, сказалъ онъ.

— Такъ что же, собирайте пѣвцовъ къ 15 іюня; вы потеряли цѣлую недѣлю на поиски, постарайтесь вознаградить потерянное время.

Я принялся писать 28 мая; 9 іюня былъ оконченъ первый актъ; 15 іюня была первая репетиція, а 31 іюля вся партія была готова и оркестрирована.

Все это время я пользовался отпускомъ; репетиторовали безъ меня.

Я жилъ у своихъ друзей въ Андрезі; деревня тѣмъ и хороша, что тутъ удобно писать: ничто и никто не мѣшаетъ. Я устроился въ небольшой бесѣдкѣ, куда забирались обыкновенно съ утра на цѣлый день, и мои занятія прерывались только моей маленькой шалуницей Анжеллою, прибѣгавшей по временамъ поцѣловать отца; это освѣжало меня.

Въ этомъ уединеніи кончилъ я всѣ три акта и оркестровку.

Изъ Андрезі я выѣхалъ, чтобы присутствовать при возобновленіи оперы: *Fidèle Berger*, несчастнаго творенія, игранаго въ первый разъ въ январѣ 1838 г. и погибшаго отъ происковъ кондитеровъ! Кудеркъ съ большимъ успѣхомъ исполнялъ ее въ Брюсселѣ и просилъ Перрена поставить эту оперу; это было въ іюлѣ; кондитеры остались спокойны и піеса произвела эффектъ.

Очень благодаренъ Кудерку, снова вызвавшему въ жизни партитуру, пользовавшуюся доселѣ извѣстностью только въ Германіи. Это была первая опера, которую играли для меня въ Берлинѣ, когда я пріѣхалъ туда въ 1840 г.;—это вниманіе тронуло меня.

1852 годъ возвратилъ мнѣ смѣлость, потерянную въ 1848 г. «*La Poupée de Nuremberg*» принесла мнѣ счастье; я написалъ вмѣстѣ съ Планаромъ небольшую одноактную оперу для Комической Оперы: «*le Farfadet*»; потомъ музыку для кантаты Мері: «*la Fête des arts*.»

Г-жа Геберъ-Масси была ангажирована на сцену Театра Сен-Мартенскихъ воротъ для исполненія драматической роли съ пѣніемъ.

Я написалъ для нея нѣсколько аріетокъ въ піесѣ «*la Faridondaine*», въ то же время и комическій квартетъ,—слова то же

моего сочиненія, — имѣвшій неимовѣрный успѣхъ, благодаря таланту Кольбрена и Бутена.

Я отдалъ затѣмъ на сцену Большой Оперы двухъактный балетъ «Орфа», написанный для Черрито.

Я помню, что 2 декабря, — въ то время какъ мои соотечественники дрались, благодаря государственному перевороту, спасительному для насъ всѣхъ, — я сидѣлъ спокойно за фортепiano, оканчивалъ музыку къ моей оперѣ: «Глухой, или полная гостинница», которую Перренъ заказалъ мнѣ къ масляницѣ.

Мнѣ исполнилось уже 50 лѣтъ; но, благодаря небо, одно свидѣтельство о моемъ рожденіи напоминаетъ мнѣ приближеніе къ старости.

Я также горячо люблю трудиться, какъ прежде, и такъ какъ работа единственное мое удовольствіе, я не считаю свой трудъ большимъ достоинствомъ.

Потеря состоянія не была для меня слишкомъ чувствительна: она лишила меня возможности угощать моихъ друзей.

Я заплатилъ мои долги, по братъ мой умеръ, оставивъ мнѣ свои запутанныя дѣла и промотавъ при жизни все имѣніе моей матери, имѣвшее нѣкоторую цѣну; слѣдовательно,

у меня нѣтъ никакой надежды не только воротить состояніе, но и довольство: но все же я могу отложить весьма небольшую сумму для моей жены и дочери.

Къ несчастію у меня нѣтъ никакой маніи; я ничего не люблю: ни деревни, ни картъ, ни прочихъ развлеченій.

Музыкальный трудъ — единственная моя страсть, единственное мое удовольствіе. Въ тотъ день, когда публика незахочетъ слушать моихъ произведеній, скука убьетъ меня.

Я завидую Оберу: онъ страстно любитъ лошадей; завидую маніи Клаппессона составлять коллекціи инструментовъ; вотъ эти занятія не пройдутъ съ лѣтами.

Жажда творчества и труда поддерживаетъ мои силы и молодитъ меня...

Благодарю Бога за всѣ дарованныя мнѣ милости, которыя я быть можетъ и не заслужилъ. Несмотря на всѣ неудачи въ жизни, у меня еще довольно мыслей и энергій для сочиненія новыхъ оперъ, которыя постараюсь написать какъ можно лучше.

Въ музыкальномъ магазинѣ Ф. Стелловскаго, поставщика двора ЕГО ИМПЕРАТОРСКАГО ВЕЛИЧЕСТВА, коммисіонера придворной пѣвческой капеллы и училища Императорскихъ театровъ, въ Большой Морской, въ домѣ Лауферта, № 27, въ С. Петербургѣ,

поступили въ продажу новымъ изданіемъ полныя оперы для фортепiano въ большемъ форматѣ:

РУСЛАНЪ И ЛЮДМИЛА,

полная опера, арранжированная для фортепiano въ двѣ руки, музыка М. И. Глинки, цѣна 10 руб. сер., съ пересылкою.

МАРТА,

полная опера для фортепiano въ двѣ руки, музыка Флотова, цѣна 4 руб. сер., съ пересылкою.

ТРАВИАТА,

(La Traviata)

полная опера для фортепiano въ двѣ руки, музыка Верди, цѣна 5 руб. сер., съ пересылкою.

ТРУБАДУРЪ,

(Il Trovatore)

полная опера для фортепiano въ двѣ руки, музыка Верди, цѣна 5 руб. сер., съ пересылкою.

Требованія г. иногородныхъ исполняются съ первою почтою.

Печатать позволяется. С. Петербургъ, 14 августа 1859 года. Цензоръ А. Ярославцовъ.

Въ типографіи Юнсона.

Редакторъ М. РАППАПОРТЪ.

Издатель Ф. СТЕЛЛОВСКІЙ.